

Полкан хорошо запомнил тот горький день, когда выехали хозяева. С утра снова где-то стреляло, ухало, с нарастающим свистом приближалось к их двору, и страшный взрыв, от которого звенели стекла окон и, кажется, подсакивал весь дом, на миг заглушал все остальные звуки: заглушал, оглушал и переполнял, как выражаются люди, животным страхом!

Еще при полете мины или снаряда Полкан забивался в будку, которая, казалось ему, сможет уберечь его от страшной разрушительной силы, уже развалившей по улице не один двухэтажный кирпичный дом. Забивался, закрывал глаза и лежал до конца обстрела, в поднятой до небес пыли и гари. И выползал, только услышав человеческие голоса.

— Живой, Полкаша? — дрожащим от пережитого голосом спрашивала хозяйка. — Беденький!

Хозяйка всегда была доброй и ласковой, и даже противилась, когда хозяин еще до войны перевел молоденького кобелька Полкашу из квартиры в стоящую у их гаража будку. Какой там из него сторож?! Однако самого Полкана это нисколько не огорчило. В квартире, может, оно и уютнее, зато на улице у него появилось столько друзей! Прибегал и обнюхивал невысокий заборчик, за которым и обосновался Полкан, пожилой и много повидавший Лохматый, иногда приводил лишившегося хозяев Коротышку. Коротышка этот особенно забавлял Полкана: телом вроде бы нормальный песик, а ножки коротенькие-коротенькие!

Полкан, как настоящий хозяин отведенной ему территории, поначалу встречал незнакомцев лаем, затем к гостям привык и, опершись передними лапами о заборчик, только повизгивал. Так и общались, делясь впечатлениями о сегодняшнем дне. И, кажется, слегка завидовали друг другу. Полкан ведь каждое утро получал от хозяев мисочку теплой каши с кусочками мяса и косточкой, зато Лохматый и Коротышка не сидели на цепи и могли целыми днями бродить по поселку, от одних мусорных баков к другим. Люди в поселке жили не бедно, так что голодать песикам не приходилось: тут тебе и куски черствого хлеба, и разные кости, и даже слегка подпорченное мясо. Людям-человекам оно уже не годилось, а вот собачкам да бродячим котам — так в самый раз.

Да, среди приятелей Полкана была и соседская кошка Рыжка. И вправду рыжая, лохматая, а ленивая!.. Отпросившись утром у хозяев, выходила во двор их восьмиквартирного дома, равнодушно поглядывая на стоящего на задних лапах песика, чтобы не подумал, что соскучилась. Немного погуляв у палисадника, направлялась к Полкану. Ловко запрыгивала на столбик ограды и, подобрав под себя мягкие лапки, надолго застывала, подставив мордашку солнцу.

Полкан и повизгивал, и подпрыгивал на задних лапах, стараясь обратить на себя

Рыжкино внимание, но она и ухом не вела. Точь-в-точь, как некая юная красавица, избалованная вниманием ухажеров. Напрыгавшись, Полкан отходил к стенке гаража, обессиленно падал на живот и, положив морду на вытянутые вперед передние лапы, легонько поскуливал.

И все равно жизнь была спокойная, тихая и размеренная. Никто на охраняемый им гараж не посягал, никто не заходил в оградку, не пытался отвинтить замок. А Полкан уже мечтал об этом, чтобы доказать хозяевам свою смелость и верность. Он так нашорохает непрошенных гостей, что будут бежать быстрее мотоцикла! Он, может, и не породистый, и безо всякой там родословной, какими, слышал, бывают некоторые собаки, но постоять за себя и за хозяйское добро всегда сумеет.

И все же первый же прилетевший снаряд ужасно напугал песика. Да и как не напугаться, если ясным летним днем, когда на небе не было ни облачка, вдруг раздался далекий гром, и через несколько секунд по ту сторону улицы так рвануло, сотрясая воздух и поднимая вверх тучи дыма и пыли, что оглушило всех, кто был неподалеку. Полкан бросился в будку и прижал уши.

Сколько сидел — не припомнить, какое-то внутреннее чувство подсказывало, что обстрел на этом не прекратился и завывающее над головой железо еще не раз просверлит горячий летний воздух, не раз грохнется где-то рядом, а может... Нет, на этом Полкан обрывал свои мысли, отказываясь думать о том, что станет с хозяйским гаражом и его будкой, если прямо сюда угодит снаряд!

И ни один из последующих снарядов действительно сюда не угодил, все легли по ту сторону улицы, где стояли такие же двухэтажные кирпичные дома, такие же деревянные сараи и гаражи.

Так продолжалось несколько дней, и люди начали выезжать. Скорее всего, на короткое время, потому что не брали с собой даже теплой одежды и зимней обуви. Не могут же эти обстрелы длиться долго, наступит просветление человеческих мозгов, и во дворе Полкана снова воцарится мир и прежнее благоденствие.

Так, наверное, думали и его уезжавшие хозяева, снимая Полкана с цепи и оставляя песика в загородке. Побудь, дескать, несколько дней без нас, а как утихнет — мы сразу же вернемся. Но время идет, обстрелы не прекращаются, не видать и хозяев. А ведь Полкан ждет и ловит каждый звук автомашины. И как только, гуляя, услышит издали знакомый гул легковушки, — бежит стремглав к своему дому, к своему гаражу, поскуливая от радостного возбуждения! Прибегает, а машина... машина поехала дальше.

После такой встряски Полкан всегда чувствует в душе давящую тоску: неужели и вправду забыли о нем?! Неужели не скучают и не тоскуют?!

Тогда он снова бредет в свою загородку, забивается в будку и, положив морду на вытянутые лапы, застывает в своей привычной позе. Бывало, и заснет, не замечая, как, помимо его желания, увлажняются и начинают пощипывать глаза.

Снова появился Лохматый, за которым семенил короткими ножками Коротышка. Подошли и прилегли у ограды.

Полкан услышал, вылез из будки.

— Ну что, поели? — спросил он.

— Еще бы! — довольно ответил Лохматый. — Сейчас, знаешь, сколько пропавших продуктов на мусорник выносят?! Одна тетка полмешка мяса выбросила! Зря ты убежал!

— Я не убежал, я думал, что хозяева приехали...

Как объяснить им, бездомным, что он готов голодать, но лишь бы рядом были его хозяева! Как объяснить, что он настолько привык к этим людям, что не представляет себе жизни без них! Что для него они дороже всех собачьих радостей, в том числе набитых густым мозгом косточек!

Правда, Коротышка тоже успел пожить в одной квартире с людьми. Но разве то были люди, если еще до войны оставили его?

— Сбегай и ты, пока тихо,— сказал Коротышка, стараясь выразить Полкану свое сочувствие.— Там еще не одну косточку можно найти.

Коротышка явно комплексовал из-за своих коротких ножек, поэтому старался быть внимательным ко всем. Даже к рыжей Рыжке, пока ее не увезли хозяева. Но если рыжая красавица свысока посматривала даже на Полкана, то на коротконового Коротышку вообще глядела свысока.

Где она сейчас, со своим вертлявым лисьим хвостом? Где-нибудь в тихом и безопасном месте?

В такие минуты Полкан ощущал легкую обиду: разве нельзя было хозяевам забрать и его? Машина ведь не чужая — своя, нашлось бы и ему местечко под ногами. И как же удивился, когда, бродя вокруг дома, услышал из одного окошка, которое выходило на проезжую часть улицы, жалобное мяуканье!

Неужели... Рыжка?! Неужели хозяева тоже забыли ее в квартире и бедная кошечка все эти дни находится в квартире, под замком?

Полкан тут же встал на задние ноги, опершись передними о стенку дома, где выше его головы поблескивало целыми стеклами невысокое окно.

Гав! Гав! Гав! — откликнулся он на страдальческий голос своей подружки.— Гав! Гав!

Встала на задние лапки и Рыжка, встала и забарабанила своими передними по стеклу, словно молила: помоги мне, Полкаша, выпусти меня отсюда, мне так страшно одной!

Полкан по-щенячьи взвизгнул, не в силах скрыть своей радости, будто в эту минуту увидел своих вернувшихся хозяев! Взвизгнул, подпрыгивая на лапах, словно хотел дотянуться до самой Рыжки и лизнуть ее в нос.

А Рыжка все мяукала и мяукала, да так жалобно, что Полкан наконец догадался: она же голодная или сильно хочет пить!.. Он тут же обежал дом, заскочил в открытый подъезд. И, сев перед дверью, за которой находилась Рыжка, начал поскуливать. Поскуливал и от нетерпения перебирал лапами. Поняв, что никто его не слышит и не спешит выручить Рыжку из плена, начал лаять: сначала потихоньку, потом все громче и громче. Наконец, на втором этаже что-то кляцнуло, скрипнула дверь. Зашуршали тяжелые и неуверенные шаги.

— Эй, что там?..— послышалось старческое.— Ты чего разгавкался?

Полкан снова перешел на визг, в котором просто невозможно было не услышать мольбу.

Человек то ли ругнулся, то ли прошептал молитву и начал спускаться ступеньками. Скрип-рип, скрип-рип,— словно снежок, заскрипели ссохшиеся за несколько десятилетий доски.

— А, мать твою... черт,— неожиданно не по возрасту ругнулся он,— это ж там кошка! А я и забыл. Сейчас, сейчас выпустим тебя. Только же потом на улице поживешь. Мне за тобой следить некогда.

Он с трудом спустился, держась за вытертые перила, прошлепал к двери. Полкан, чтобы не пугать старика, присмирел, только продолжал бить о пол своим хвостом. Дескать, скорей же, скорей же, дедушка! И как только щелкнула задвижка замка и дверь слегка приоткрылась, первым прошмыгнул туда...

Рыжка за пару дней отошла, подкрепилась, попила вволю водички. И старичок-сосед выпустил ее на вольные хлеба. На попечение Полкана. И с тех пор две одинокие животинки не расставались: вместе спали в собачьей будке, вместе бродили по поселку, где на мусорных свалках не уменьшалось испорченных продуктов. Не насмешничали над их дружбой даже незнакомые собаки и никогда не прогоняли эту пару от «хлебных мест»: еды с лихвой хватало. В наспех оставленных людьми квартирах размораживались и текли холодильники, хранящиеся в них продукты порти-

лись и заполняли помещения зловонием. Оставшиеся в квартире собачонки и кошки выбирались на открытые окна и балконы и жалобно мяукали о спасении. Но не все выехавшие оставили соседям ключи, не все квартиры можно было открыть, не всем четвероногим помочь.

Измученные смрадом, которым пропитались все стены и потолки домов, а также жалобным лаем и мяуканьем, оставшиеся жильцы ходили с жалобами в ЖЭК, просили вызвать пожарных, которые, по их мнению, имеют право входить в любое помещение, в любую квартиру.

Работники ЖЭКа только руками разводили.

— Это ж вам не милиция! Вызывайте милицию!

Милиции же было не до собак и кошек. Недавние друзья и коллеги за кратчайшее время разделились во взглядах и стали врагами. Одни влились в отряды ополченцев Донбасса, другие — в украинские добровольческие батальоны. Оставшиеся же служить в горотделе не успевали обезвреживать вернувшихся из дальних лагерей уголовников. Их словно нарочно пачками выпускали на волю.

Ничего этого из жизни людей Полкан с Рыжкой, конечно, не знали. Они просто жили и очень надеялись, что вот-вот вернутся их хозяева и все пойдет по-старому: Полкану каждое утро будут выносить железную мисочку вкуснейшей каши, а Рыжка вернется в свою квартиру и будет до полдня нежиться в углу старого кухонного дивана, навечно вобравшего в себя запахи самых лучших яств. И всякий раз, когда слышался звук приближающегося автомобиля, Полкан выскакивал из будки и мчался на проезжую часть. Мчался, надеясь наконец-то увидеть их, своих милых и дорогих хозяев, готовый тут же, на радостях, облизать не только их лица, но даже ноги. Даже пропыленные колеса их автомобиля!

Так было и сегодня. Появившаяся на улице машина была так похожа на старенький «Жигуленок» его хозяев, что Полкан, чуть ли не обезумев от радости, буквально кинулся ей под колеса, решив, что хозяева забыли дорогу, поэтому проезжают мимо... Удар был короткий и мягкий. Но настолько неожиданный и болезненный, что Полкан, кажется, не успел даже взвизгнуть. И когда пришел в себя, Рыжка сидела рядом и, жалобно попискивая, нежно вылизывала его окровавленную мордашку.

